

УДК 398.1(=551.3)"193"

DOI 10.25205/2312-6337-2019-2-16-25

Т. А. Голованева

Институт филологии СО РАН

Корякские исторические предания о раскулачивании оленеводов

Коллективизации частных табунов в 1930-е гг. до сих пор воспринимается чавчувенами (оленными коряками Камчатки) как трагический период их этнической истории. Народная интерпретация исторических событий находит свое отражение в исторических и семейных преданиях кочевых коряков Камчатки. Попытки сокрытия семейных табунов от советской власти расцениваются рассказчиками как спасение табунов, а сама советская власть предстает как враждебная, разрушительная сила. В народной и официальной версиях истории отчетливо проявляется полярность в восприятии образов богатых оленеводов досоветского времени: от идеализированного (в исторических преданиях) до предельно негативного (в официальных документах и художественной литературе).

Ключевые слова: история Камчатки, коряки, чавчувены, корякский фольклор, исторические предания, семейные предания, коллективизация, раскулачивание.

Значимые для этноса исторические события, преломляясь сквозь призму народного восприятия, отражаются в несказочных жанрах фольклора: в исторических и семейных преданиях, а также в устных рассказах. В фольклористике область исследования простирается настолько далеко, насколько позволяют зафиксированные тексты в виде опубликованных или архивных материалов. На сегодняшний день нами не найдено ни одного опубликованного текста предания на корякском языке о раскулачивании оленеводов Камчатки. В то же время интервью, проведенные нами в 2015–2018 гг. с чавчувенами пожилого возраста (см. Список информантов), доказывают, что память о драматическом периоде раскулачивания оленеводов до сих пор поддерживается в устной истории оленных коряков Камчатки. Та высокая степень эмоциональности, с которой чавчувены старшего поколения рассказывают о коллективизации, обнаруживает их духовную сопричастность драматическим событиям 1930-х гг., свидетелями которых они, по факту своего рождения, не были.

Цель данной статьи – выявить особенности отражения событий коллективизации в исторических и семейных преданиях оленных коряков.

Историческая память этноса представляет собой не только воссоздание, но и интерпретацию значимых для самосознания этноса событий. Для оленеводов-кочевников, чья жизнь из поколения в поколение была сосредоточена на семейном (частном) оленеводстве, коллективизация стала роковым периодом жизни этноса. Рассказывает Н. М. Тынанто: «То время наши называют *г'эжэчгуэвык* – “испортилось время”. Если дословно перевести, это значит, время, когда испортилась жизнь, потому что оленей же отобрали» (ПМА, Тынанто-2).

Повествования о коллективизации, записанные от чавчувенов в 2015–2018 гг., по своим жанровым критериям относятся к историческим и семейным преданиям. Исторические предания сохраняют память о ключевых событиях истории этноса [Соколова, 1970, с. 252], при этом «предание носит ло-

Голованева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, каб. 205, г. Новосибирск, 630090. E-mail: gta-77@mail.ru

кальный характер: отражает события местной истории» [Криничная, 1991, с. 8]. В исторических преданиях проявляет себя народная интерпретация исторических событий, в них «реализуется жизненная установка носителей фольклора, их понимание реальности и стремление влиять на нее» [Голованов, 2010, с. 57]. В процессе изучения исторических преданий главный вопрос исследования состоит не в том, «какой критике подвергнуть предание. А как правильно услышать его» [Гамаюнов, 1996, с. 162].

Глобальные политические события проявляют себя не только в эпицентре политической жизни страны, но и в ее отдаленных регионах. Нередко ключевые события истории тотальным образом перестраивают судьбы обычных людей. Для чавчуменов старшего поколения таким событием стала коллективизация, начатая на Камчатке в 1927 г. В настоящее время память о знаковых эпизодах жизни старших родственников, раскулаченных в ходе коллективизации, становится достоянием семьи и сохраняется в семейных преданиях.

Реальные исторические события становятся преданиями по мере ухода из жизни очевидцев. Культурологические исследования доказывают, что глубина живой памяти составляет от 80 до 100 лет [Асман, 2004, с. 54]. В Корякском национальном округе коллективизация началась в 1928 г. [Гурвич, Кузаков, 1960, с. 129]. Со времени раскулачивания оленеводов прошло как раз чуть более 90 лет, то есть сейчас воспоминания об этом периоде находятся на границе досягаемости живой памяти. Наши рассказчики не были непосредственными свидетелями коллективизации. Свидетелями и участниками тех трагических событий были их родители, дедушки и бабушки, личная история которых по мере их ухода из жизни и трансляции семейных и исторических преданий преобразуется в историю семьи и историю чавчуменской этнической группы в целом. Трудно сказать, будет ли память об этом драматическом периоде поддерживаться следующим поколением чавчуменов – поколением правнуков и праправнуков репрессированных оленеводов.

У современных носителей чавчуменской культуры сохраняются представления о себе как о наследниках больших табунов. В корякских исторических и семейных преданиях о коллективизации досоветское время изображается как время расцвета семейного оленеводства: *Айһон мучгинэв' ынпыклаволо Г'ыппынюв' тыттэль ныпыттоһуэнав' янот валг'о. Нымэйыһуһинэв' нэлвылг'у нэкунтыһунэв'. То ынныһ ынней нэлвылг'у ятан амъяйычг'а-г'олята нэкув'йипһунэв'. Уйһэ миукэкинэв' г'уемтэв'илг'у экмиткэ, мыев' ынней нэлвылг'у яйычг'ыкэнав', чинин яйычг'ыкэнав'. Ымыһу навакыкав' гаһоялэнав', кымиһу гаһоялэнав'. Мэкив' ыннэннутэк котвалаһу, ыннанһ-яйычг'ылг'у, ымоһу гаһоялэнав'.* «Давно наши старики Иппыню очень богатые были. Большие табуны имели. И вот эти табуны только родственники-мужчины оберегали. Никаких сторонних людей не брали, потому что это табуны семейные, своей семьи. Все дочери с оленями, дети с оленями. Все, кто в одной тундре находятся, из одной семьи, все с оленями» (ПМА, Кергильхот; здесь и далее перевод с коряк. – Е. П. Прониной, Т. А. Голованевой).

До настоящего времени в чавчуменских семейных преданиях сохраняется память об огромных семейных табунах: «Бабушка рассказывала: вот табун идёт, первые олени покажутся. Табун уже пройдёт: первого оленя уже не видно, а последнего оленя ещё не видно. Такие большие табуны были: по пять тысяч, по шесть тысяч табуны» (ПМА, Тынанто-2). Имеются и объективные свидетельства состояния чавчуменского оленеводства до установления советской власти. Во второй половине 1920-х гг. сотрудник Акционерного камчатского общества Н. Н. Беретти по долгу службы объезжал северные кочевья Камчатки, примечательно его свидетельство о величине частного табуна: «Нормальным считается табун около двух тысяч голов. Бедные хозяева обычно соединяют свои табуны для совместного хождения. Табунов меньше двухсот голов мне видеть не приходилось» [Беретти, 2014, с. 274]. По итогам переписи 1927–1928 г. в Пенжинском районе самые крупные частные табуны насчитывали свыше 10 тысяч голов [Михалёв, 1931, с. 168]. Историк-экономист М. А. Сергеев в самом начале 1930-х гг. писал: «Стадо Камчатского округа – первое по своим размерам и в СССР (треть всего поголовья), и во всем мире. Размеры его превышают в настоящее время 1 млн голов, стоимость этого основного капитала Округа – 40 млн рублей» [1932, с. 88].

В восприятии наших рассказчиков причастность членов семьи к богатому оленеводческому роду не исчезла с годами. Наличие у предков больших табунов и сейчас воспринимается их потомками как исключительное достоинство рода и всех членов семьи, несмотря на то что в реальности этих табунов давно уже нет.

Народной истории свойственна идеализация прошлого и его героев. Для чавчуменов такими героями являются не только воины и силачи, но и владельцы больших табунов. Чавчумены убеждены, что хозяевами больших табунов становились благодаря опыту, мастерству и «оленьей удаче». Н. И. Тынэтэгин, 1937 г. р., оленевод I класса, заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР, с восхищением рассказывает о прежних богачах-олeneводах, владевших утраченными к настоящему

времени секретами оленеводства: «Вэкик – он самый богатый был. Но почему он стал богатый? У него телята-мальчишки, как бычки были двухгодовалые [настолько крупные]. Вот где большие телята! Это ведь надо уметь так выпасать телят! Вот уж кто умел выпасать оленей!» (ПМА, Тынетэгин-3). Опытные оленеводы знали тонкости выпаса, кормления, отела оленей, обладали феноменальной памятью, позволяющей отслеживать перемещение оленей внутри тысячного табуна. В 1928 г., побывав в кочевьях Камчатки, Н. Н. Беретти был поражён оленеводческими навыками чавчуенов: «Туземец обладает в отношении оленей прекрасной памятью. Хозяин всегда узнает, не разглядывая клейма, своего оленя, если таковой попал в чужой табун. Не зная счёта и не зная поэтому числа оленей в табуне, хозяин или работник, обойдя табун, всё же сразу заметит пропажу оленя и сможет описать его приметы» [Беретти, 2014, с. 276]. Однако в 1930-е гг. в младописьменной корякской литературе утвердился совершенно иной, отрицательный образ богатого оленевода. По сюжету повести первого корякского писателя Кецай Кеккетына «Эвныто-батрак» хозяин большого табуна издевался над батраками, пил водку, богател на эксплуатации подневольных ему батраков и при этом ничего не смыслил в оленеводстве [Qeccaj Kekketyn, 1936]. Литературные образы богатых оленеводов, созданные Кецаем Кеккетыном, противоречат образам, сохранившимся в народной памяти. Резко отрицательный литературный образ богача был обусловлен установками официальной идеологии того времени, клеймившей кулаков как злостных врагов молодого советского государства. С точки зрения партийных работников авторитет богатых оленеводов держался исключительно на угрозах богачей и ответном страхе бедняков. Однако мастерство и богатство оленеводов досоветского времени и сегодня вызывает восхищение чавчуенов. Рассказывает Н. И. Тынетэгин: «У некоторых богачей раньше было по три, по пять бригад. Настолько богатые были! Главу звали Тилман, он как раз и был тажаайым¹. Он был житель Пенжинского района, Слаутного. А его заместитель – Хоятто» (ПМА, Тынетэгин-2). Если в историческом предании богатый оленевод Тилман воплощает собой идеализированный образ хозяина крупного табуна, то в официальном «Постановлении 3-го съезда Пенжинского районного совета» (1932 г.) тот же самый богач Тилман предстает как злостный вредитель: «Тилман и Иныла идут против Советов, обманывают Советскую власть и бедняков (Тилман прямо грабит работников). Они говорят против Советов, не пускают делегатов из своих стойбищ на съезд. Съезд называет их врагами Советской власти и приказывает РИКу убрать их из района совсем» [Постановление..., 1932, с. 125]. В народной и официальной версиях истории отчетливо проявляется полярность в восприятии образов богатых оленеводов: от идеализированного (в исторических преданиях) до предельно негативного (в официальных документах и художественной литературе).

Семейный табун оленей, его здоровье и плодovitость были смыслом жизни многих поколений чавчуенов. В конце 1920-х гг. на Камчатке была популярна поговорка: «Не будь оленя – погиб бы чукча²; не будь чукчи – погиб бы олень» [Канторович, 1931, с. 156]. Благосостояние семьи всецело зависело от многочисленности табуна: семейные табуны переходили внутри семьи от предков к потомкам – на этом веками держалась жизнь оленных коряков, поэтому желание оленеводов уберечь оленей от обобществления и тем самым сохранить свои семейные табуны для своих детей, внуков и правнуков было естественным. Мастера-оленеводы, хорошо знавшие камчатскую тундру и особенности пастьбы в камчатских условиях, были уверены, что сумеют сохранить свои табуны при любых условиях: «Если у меня ум крепкий, я все равно оленей не потеряю», – с уверенностью заявил оленевод Иннон на Пенжинском съезде в 1928 г., за шесть лет до тотальной коллективизации (Из стенограммы съезда; цит. по: [Канторович, 1931, с. 153]). И действительно, в течение первой пятилетки (1928–1932 гг.) раскулачивание камчатских оленеводов шло замедленными темпами. В 1932 г. историк-экономист М. А. Сергеев, один из членов правления Акционерного камчатского общества, вынужден был признать: «Оленеводство – узкое место в строительстве Камчатки. <...> Едва ли не самая большая трудность строительства совхозов – обеспечение их нужным количеством оленей» [Сергеев, 1932, с. 102]. Государственная кампания по закупке частных оленей для колхозных табунов существенных результатов не давала. В 1931 г. партийные работники были вынуждены признать свое бессилие: «Кулаки-оленеводы наотрез отказываются продавать оленей для оленеводческих коллективов, заявляя, что, когда у них будет в десять раз больше оленей, тогда они, может быть, и будут разговаривать о продаже их» [Михалев, 1931, с. 170].

¹ Тажаайым – ‘ясачный глава, т. е. глава, собирающий ясак’. Слово тажаайым представляет собой инкорпоративный комплекс, состоящий из основ слов айым ‘начальник’ [Молл, 1960, с. 10] и тажанау ‘ясак’ [Там же, с. 91], производное от глагола тажак ‘1) поклониться; 2) помолиться’ [Там же].

² Закрепившееся в русском языке слово ‘чукча’ представляет собой заимствование из чукотского: «чавчыв – 1) чукча-оленевод; 2) богатый оленевод (среди оленеводов)» [Молл, Инэнликэй, 1957, с. 142]. По нашим наблюдениям, в настоящее время на Камчатском полуострове слово чавчувен употребляется в значении ‘потомственный носитель культуры оленных коряков Камчатки’.

В исторических преданиях о раскулачивании сохранились эпизоды, повествующие о том, как оленеводы пытались увести свои табуны, спрятать их от большевиков: «Родители рассказывали, что стали создавать колхозы. И всех частников заставляли сдавать оленей в колхоз. Были некоторые, которые никак не хотели. Рассказывали, что они далеко-о в тундру уходили, где их никто не достанет. А что с ними дальше было, не знаю» (ПМА, Кузнецова-Кергувье).

Стремясь спасти частные табуны от коллективизации, богатые оленеводы дробили большой семейный табун на три части и по частям вводили «в хребты». Рассказывает Н. И. Тынэтэгин: «У моей жены отец – Тынэтэгин Тит Нотанватович. Его отец – Нотанват. Когда стали раскулачивать хаилинцев, у него было три табуна в Апуке. Нотанват с табунами начал убегать на Чукотку. Думали, что убегут. И вот только чуть прошли Слаутное, Нотанват умер. Старались-старались спасти табуны, но не получилось. Раскулачивание сильно повредило оленеводству» (ПМА, Тынэтэгин-2).

С позиции официальной власти «искусственное дробление стад» расценивалось как злостное вредительство, ведущее к истреблению оленьего поголовья. Историк-экономист М. А. Сергеев в 1934 г. пытался обосновать отрицательные последствия такого дробления: «Мелкое оленеводство подвержено деградации гораздо сильнее, чем крупное, так как сохранить небольшое стадо труднее. Практикуемая кулаками раздача крупных табунов по рукам влечет за собою ухудшение общего состояния стада, частичную гибель табунов или полное сведение на нет крупного поголовья» [Сергеев, 1934, с. 412]. Однако в народной истории дробление табуна воспринимается как необходимое условие сохранения стада в условиях тотальной коллективизации. Согласно семейному преданию, записанному от А. А. Кергильхот в 2015 г., родители отделили часть от большого семейного табуна и увели далеко в горные хребты, тем самым сохранили частный табун для своих потомков: *То энпичийык чымбын уэллы нэчвигэг'ын то нотайтыу найтатын, тынопэтыу. <...> Ыньуыг'ан энпичийык чымбын уэллы найтануын, то в'ото в'отэнин ёнатгыйнэтыу кытаван мытыв'ийинэв' ынней уалвыльг'ыпилляю.* «И родители часть табуна отбили и в тундру отогнали, в сопки. <...> Так родители часть табуна домой пригнали, и вот даже до этой жизни мы сберегли те табунчики» (ПМА, Кергильхот). Соккрытие семейного табуна от советской власти расценивается рассказчиками как его спасение. В семейном предании, рассказанном Н. М. Тынанто в 2016 г., есть эпизод, повествующий о том, как дедушка рассказчицы, хозяин большого табуна, смог спрятать свой табун от большевиков: семейный табун был поделен между тремя братьями, каждый из братьев повел свою часть табуна в хребты: *Вот, туйг'эжэчгуэвэ апаннин были ныччеуэ зайтакалуыт. Эвыу: «Янот мытнэкаламык мытыппав'ламык». Ныёуэ гамгазайтакалуын янйыг'аллай и ныёуэ уэлвылг'у, амьянъянэуэлвылг'у нанвонав'гиннетык. То ыннею никэв' инеткечитылг'у мэлгытаннуо гамганэуэлвылг'эпыу фонпыу никэ г'ытг'а г'ытг'ылг'у колайвынуволау. И ыннин, может, он не был шаманом, вот умел просто хорошо, мэтг'ау нутэнут гэйгулэллин. Эмг'у-бун уэлвылг'а _ уэллы кунпикэньуинин. Актыка ынлыг'уэгэг'ын. Фонпыу кояллау, уйнэ уэллы, амьянъя ятан то уйнэ уэллы то ыннин апанно г'опта. Актыка ынлыг'уэгэг'ын.* «Вот в самом начале скверного времени у дедушки было два брата. Он сказал: «Ничего, справимся». Каждый из трёх братьев отделил себе часть табуна, отделённые табуны начали сторожить. А отбирающие русские по всем табунам с каюрами начали ездить. Этот [дедушка], он не был шаманом, но он хорошо, хорошо тундру знал. И вот табун спрятал. Не могут [большевики табун] отыскать. Постоянно ходят – нет табуна, только одна юрта, а табуна нет, и этот дедушка [сидит]. Никак не могут отыскать [табун]» (ПМА; Тынанто-1). Знание тундры позволило оленеводу спрятать и тем самым сохранить семейный табун, но не спасло его от ареста.

В труднодоступных местах Камчатки при отсутствии транспорта и дорог частные табуны, казалось, были недосыгаемы для пришлых острошاپочников³. Чавчувены и не догадывались, что во время проведения I съезда Советов округа в 1932 г. были установлены «твердые сроки завершения коллективизации: оседлого населения – к началу 1933 г., оленеводческих хозяйств – к 1934 г.» [Бубнис, Нефедова, 1981, с. 25].

Все наши информанты, самый старший из которых 1937 г. р., родились в Советском Союзе, учились в советских школах и по факту своего рождения были частью советского общества, однако в рассказанных ими исторических и семейных преданиях о раскулачивании Советский Союз всегда предстает как враждебная, разрушительная сила: *ымоу Советский Союзынак киткэунин* «всё Советский Союз отбирал» (ПМА, Кергильхот); «Они все-все лишились оленей. <...> Прямо насильно у них отбирали оленей. Невозможно было. Вот отдай и всё!» (ПМА, Кузнецова-Кергувье); *Найтогаг'ым*

³ Чавчувены называли большевиков *ичвытэукэлг'у* «острошاپочники», по форме их головного убора – буденовки. Атрибутив *ичвытэукэлг'ын* представляет собой инкорпоративный комплекс, состоящий из основ слов *пэукэн* «шапка» [Молл, 1960, с. 89] и *ничвыцин* «острый» [Там же, с. 74].

гыммо, еппы Таловка атоуваллыг'атка, найтойгым. Гымнин родители ылыг'о гэникэлинэв', гаҕоёлэнав', яҕам в'ото Таловкав'аямык ынки. То ҕаен ҕано гаҕоёлэнав' гымнин энҕичив', ҕун, ымыу ымыльг'этоу. Ав'нып ыно Пенжинский район колё янот мыкҕоялг'о. То ҕано гаҕоёйвылэнов'. 'Родили меня, еще Таловка не создалась, я родился. Моих родителей лишили оленей прямо вот на реке Таловке, здесь. И вот тогда лишились оленей мои родители, абсолютно всех [оленей]. А ведь в Пенжинском районе до чего раньше многооленные [были]. И вот отобрали оленей' (ПМА, Тынетэгин-1); «Отбирали всё, буквально всё. Сколько оленеводческих бригад было – у всех оленей отобрали! Я был пионером, комсомольцем, коммунистом, но считаю, что коллективизация – это большая ошибка. Зачем так навредили мирным жителям?» (ПМА, Тынетэгин-2).

Русские большевики, воплощающие на местах замыслы партии, совершенно не знали камчатской тундры, не имели никаких навыков оленеводства, не умели ездить на упряжках, но они были наделены властью, огнестрельным оружием и неограниченными полномочиями. В текстах исторических преданий большевики-острошاپочники изображены как безымянные русские чужаки, разрушающие жизнь чавчуенов: *То титэ ынней мэлгытануо яллай, то наувонав' ҕояв' иткэк* 'И когда эти русские пришли, то начали оленей отбирать' (ПМА, Кергильхот); *Колё-мэй, уалвылг'этыу гапкийлинав' г'ытг'ылг'у, аймав'в'и, солдаты гэмэлгыыйылинэв'.* 'Оё-ёй, к табунам добрались на собачьих упряжках начальники, солдаты с ружьями' (ПМА, Тынетэгин-1). Наличие у большевиков огнестрельного оружия являлось объективным свидетельством их власти над жизнью местного населения, однако новосозданное советское государство позиционировало свои действия как справедливые и благородные. Взамен изъятых оленей, ориентируясь на принципы справедливости, государство выдавало оленеводам облигации. В народной истории до сих пор сохранилась память о «нечестном обмене»: «Мои родители рассказывали, что когда коллективизация началась, то всех частных оленей поотбирали, и взамен им выдали облигации. В каждой семье было по целому ящику облигаций вместо оленей. Они ещё возмущались, что с этими облигациями даже в туалет нельзя сходить, потому что они скользкие, никуда не пригодные» (ПМА, Кузнецова-Кергуйе).

В исторических преданиях о раскулачивании отчетливо выражено противостояние *своих* и *чужих*. Усиление межэтнического конфликта, спровоцированное агрессивной внутренней политикой государства, обостряет изначально заложенное в этнической культуре противостояние *своих* и *чужих*. В корякских исторических преданиях о раскулачивании оппозиция *свои / чужие* выражается в резко негативном отношении чавчуенов к пришлым русским как к *чужим*, разрушающим *наше*. В первые годы советской власти именно русские проводили позицию власти на местах, именно их руками государство производило обобществление частных табунов и аресты богатых оленеводов. Русским большевикам необходимо было преодолевать сотни километров по снежной тундре, чтобы добраться по бездорожью до отдаленных корякских стойбищ. Партийные работники нанимали из числа береговых коряков каюров на собачьих упряжках. Как рассказывают в семье Н. М. Тынанто, во время ареста дедушки заодно с русским большевиком был и каюр: *И ыннэҕеу гээлинэв', как раз кувутҕытвигаг'ау, ковотҕычаёлау. Гээлинэв'. Ыннин мэлгытануын ичвыпэнкэлг'ын эта, то милгыыйуынниг'ын. То ыннин ники-нут г'ытг'ылг'ын немножко мэлгытануычг'энау ков'аняватыу ыынны аму элутэлг'ын.* 'И однажды приехали, как раз уже стемнело, вечерний чай уже попили. Приехали. Один русский острошاپочник с ружьём. Да ещё каюр, он немножко по-русски говорил, наверное, алыторец' (ПМА; Тынанто-1).

В чавчуенских преданиях о коллективизации береговые коряки (нымыланы) изображаются как *свои*, принявшие сторону *чужих*, так как служили у большевиков каюрами и переводчиками. В то трагическое время сопротивляться приказам новых начальников, наделенных властью и огнестрельным оружием, было невозможно, поэтому роль берегового коряка-алюторца как пособника новой власти тоже была вынужденной.

По сравнению с чавчуенцами среди нымыланов коллективизация шла гораздо более успешно. Зависимость нымыланов от сезонного хода рыбы побуждала их вступать в колхозы. В начале 1930-х гг. этнограф Н. Билибин, изучая особенности хозяйственной жизни камчатских коряков, писал: «Голодовки – систематическое явление у береговых. Они возникают обыкновенно по веснам, когда истощаются зимние запасы рыбы и зверя. Мясо, которое береговые получают от оленеводов, компенсирует недостаток в запасах продовольствия собственных заготовок и позволяет им сводить концы с концами своего нищенского бюджета» [Билибин, 1934, с. 10]. С утверждением советской власти жизнь нымыланов действительно менялась к лучшему. В береговые поселки доставляли продукты, хлеб, необходимые товары [Там же, с. 39]. При этом нымыланам не надо было жертвовать своей личной собственностью, так как состояла она из небогатого скарба, нарты и собачьей упряжки. Чавчуены, владеющие огромными, многотысячными табунами оленей, в восприятии береговых коряков были

богачами. В архиве ИФЛ СО РАН хранится запись интервью 2006 г. с нымыланкой М. П. Ивнако. Будучи береговой корячкой, она воспринимает события коллективизации исключительно в положительном свете. В годы установления советской власти ее отец был каюром у большевиков. М. П. Ивнако рассказывает: «Вот сам отец мой каюром у солдата, у красноармейца [был]. Вот он рассказывал. Говорит: “Едут на оленях. Например, – говорит, – мы тут едем, они – оттуда едут. И этот красноармеец, – говорит [отец], – так метко стреляет. Знает, что сзади сидит вот этот богач, купец, который плохой, – говорит. – Нацелится, раз, и [тот] падает”. И дальше едут. Так вот и освободили Камчатку от этих всяких, кулаков вот этих, врагов, от *тану*⁴, от чукчей. А то они издевались над бедными, вообще» (ПМ ИФЛ).

Коллективизация у береговых коряков и у оленных коряков – это две совершенно разные истории. Береговые коряки, полностью зависящие от сезонного хода рыбы, с приходом советской власти действительно ощутили положительные перемены и в большинстве своем практически сразу стали ее сторонниками. Чавчулены же не могли принять советскую власть с ее полным отказом от частной собственности. Для потомственных оленеводов смысл всей их жизни и жизни их предков состоял в заботе о семейных табунах, поэтому стремление оленеводов увести частные табуны в хребты, спасти их от обобществления было естественным. Переломным для оленеводческого хозяйства Камчатки стал 1934 г., когда по отношению к богатым оленеводам стали применяться стандартные методы борьбы с кулаками, отработанные советской политической системой: «изоляция, ограничение, вытеснение и полная ликвидация» [Гарусов, 1967, с. 57]; см. также: [Крылов, 1935, с. 93].

В семье Н. М. Тынанто до сих пор жива память об аресте дедушки, несмотря на то, что никого из очевидцев этого ареста уже не осталось. В семейном предании повествуется о том, как зимним вечером к стойбищу подъехали на собаках двое: русский большевик и каюр из береговых коряков. Они ведут себя, как гости: пьют чай, едят, греются у костра, – а потом, словно и не были приняты в этом стойбище, арестовывают хозяина: *То пыче гачаюлинав’, гэв’йилинэв’, гачаюлинав’, то уанџо нэкив’уын: «Гыччи мыткойтолагэ». Гакэмэтг’айпылэн ыннин апанно то уетикильџик гэникэлин, то веромката гакылтылин, тит аму эгынтэв’кэ.* ‘Сначала чай попили, покушали, почаявали, а потом говорят [дедушке]: «Мы тебя забираем». Оделся дедушка и на нарту [сел], и веревками привязали его, чтобы не сбежал’ (ПМА, Тынанто-1). Согласно семейному преданию, дедушка соглашается на арест, чтобы спасти свою семью: *Пыче гауволэнав’ чейџычейык, то аму еџин конекалаџ, комарав’лаџ, џун ыннин наконмарав’уын. Ыннин эвыџ: «Нэвэџ ынџыг’ан уетик г’опта накукъянпыџын, ымоџ мыччеллыџталлатык, г’опта ыннин чачамэ мыччеллыџталлаџын». То ыннин ичвыпэџкэлг’ын гамильгыэмчелг’ын. Апанноак кив’уџын: «Кытыл еккин мелькычиль нэџу эмгым ынылыџтэтгым. Аму палля мыччалг’овылуџлаџ». ‘Сначала начали рыдать, даже кто-то пробовал драться [с приехавшими], его побили. Этот [острошапочник] сказал: «Если так нарту будете держать, всех вас заберем, и старуху эту увезем». А этот острошапочник ведь с ружьем за спиной. Дедушка сказал ей: «Не надо, пусть лучше только меня одного увезут. Может быть, потом еще увидимся»’ (ПМА, Тынанто-1).*

Воссоздавая в своем повествовании эпизод ареста, Н. М. Тынанто не может сдержать слез. Переживания матери и бабушки, их воспоминания о том роковом вечере становятся личными воспоминаниями самой Нины Макаровны. Трагическая судьба дедушки, которого она никогда в реальности не видела, является частью ее личной истории. Его дальнейшая судьба осталась неизвестной. Н. М. Тынанто рассказывает, как спустя несколько лет после проведения раскулачивания в село вернулся оленевод Тит Тынетэгин, тоже арестованный в середине 1930-х гг. Все жители села Слаутного пошли к нему в надежде получить хоть какие-то сведения о своих арестованных родственниках: *Инмы џуллу г’опта Титок г’опта нэлыџтэтыџ уанко. И тэг’и титэ тэг’и гэвэгыџо аму тилинин уанэнџал тюрьмак уанко котвагаг’аџ. То уанџо гэччиллин. Ымоџ уакые ынкайтыџ, микынэк мэки гэллыџтэлин, г’опта уакые мытылџыламык. Копанэнатвыгаг’аџ. Эпэнак копуџлоџнэн, уџнэ элэг’укэ мэткэ џаен. Эвыџ: «Уџнэ». Мыев’ эмчинин титэ нэлыџтэнав’, уџнэ омакаџ. Нэвэџ омакаџ, аму, уанко г’опта омакаџ ныг’ытваннав’. А Эпэ эвыџ: «Анам, эмэт уџнэ апкийка, миџкые мыев’ миџкые аму Марковайтыџ или миџкые гэллыџтэлин. И нэвэџ анам уџнэ эмэт апкийка, анам миџки пропал аму амыно. И уџнэ мыев’ миџки ыччи гыйника нэнугэг’ын». Эмг’у џун џонпыџ котэйнатыџ, уџнэ энумкэв’кэ нэныгэг’ын. Эмг’у џун эта лиџлиџ џонпыџ куникэџ. ‘А ведь еще другого [чавчувена], Титка забрали тогда. И сколько-то лет провел он там, в тюрьме был. А потом пустили. Все, у кого забрали кого-то, все к нему [пошли], и мы тоже туда пошли. Рассказывал. [Бабушка] Эпэ спросила его, не видел ли он [деда]. Ответил: «Нет». Потому что ведь его одного забрали, их не вместе [забрали]. Если бы вместе, наверное, тогда бы рассказал. А [бабушка] Эпэ сказала: «Наверное, уже не придет, види-*

⁴ *Тану* – форма мн. ч. от сущ. *таньютан* ‘противник’ [Молл, 1960, с. 91].

мо, куда-то туда, в Марково, или куда-то еще увезли его. А может, и не доехал, может, и в дороге где-то пропал совсем один. Или где-то звери съели его». И всё время она плакала, что не похоронили его. Всё время сердце ее страдало' (ПМА, Тынанто-1). Много лет спустя, уже после распада Советского Союза, Н. М. Тынанто убеждала свою маму подать официальный запрос о судьбе дедушки: «Ведь можно же реабилитировать, поднять списки». Однако это естественное побуждение было остановлено словами ее матери: ««Не надо. Мама [бабушка] сказала, не надо. А то вдруг что случится с нами. Не надо трогать это»». Вот так вот запугали, что мы даже никогда нигде разговор об этом не вели. Я просила своего отчима: «Отец, ну ты хоть расскажи». А он только намеками: «Ну, их вообще три брата было. И три табуна, – говорит, – было»» (ПМА, Тынанто-2). Страх ареста был настолько сильным, что сохранился в семье даже через поколение.

Неизвестность судьбы раскулаченных оленеводов до сих пор волнует чавчуженов. Рассказывает Н. И. Тынетэгин: «Таких, как Тилман и Хоятто, во время раскулачивания забирали и увозили куда-то. Говорят, что они работали в Елизово на лесозаготовках. Потом, как рассказывали, их увезли на болото и там утопили. Я вот думаю: они тогда уже не очень-то молодые были, но пришлось им на лесозаготовках работать. Что делать? А потом куда-то увезли» (ПМА, Тынетэгин-2); *То этг'у уанэнычгэн, амин Тилмынин кымиунин, кымиунин уавакык эчги Каменскак котвау, Тынетэгина Стелла Максимовна. Панэнау в'ыйин-ван коёналлау. То уано уаеё энпичив'в'и аму г'амыччо. Панэнау ынней Г'урэв'уэв' кэв'уволау: «Г'амынно гымнин, фок, аму папа?» Колё-мэй!* «И еще у тех, ну, у Тилмана у сына, сына дочь сейчас в Каменском находится, Тынетэгина Стелла Максимовна. По-прежнему ведь живут. И вот те отцы, неизвестно, где они. По-прежнему те Уревы думают: «А где же мой папа?» Оё-эй!» (ПМА, Тынетэгин-1). Для старшего поколения чавчуженов события коллективизации – это «то, что нельзя забыть» [Ассман, 2004, с. 30]. Сами они не были свидетелями тех трагических событий, но потери и трагедии их родителей ощущаются ими как глубинная личная драма.

С позиции власти воспоминания о коллективизации интерпретировались как антисоветская пропаганда. На долгие годы советская идеология пресекла саму возможность их бытования. Н. М. Тынанто вспоминает, как на ее вопросы о дедушке бабушка в ответ только плакала. После распада Советского Союза события коллективизации стали доступны для открытого обсуждения, для обдумывания. Чувствуя свою ответственность за сохранение истории чавчуженов, Н. И. Тынетэгин в 2000 г. пишет в краевую газету «Абориген Камчатки» подробное письмо о том, как раскулачивали коряков Пенжинского района [Тынетэгин, 2000].

Обобществление табунов и аресты опытных оленеводов подорвали основы ведения оленеводческого хозяйства. Неквалифицированные председатели из бедняков не имели достаточного мастерства и опыта. По подсчетам историка-экономиста М. А. Сергеева, за семилетний период (1926–1934 гг.) Камчатско-Охотский край потерял 200 тысяч оленей [Сергеев, 1934, с. 410]. Местное население осталось без своего основного источника питания. В северные районы полуострова привозные продукты поставлялись в минимальном количестве, и они не могли компенсировать тотальные потери в оленеводстве. В корякских исторических преданиях до сих пор сохранились сюжеты о страшном голоде, который наступил в северных поселках Камчатки в результате проведения коллективизации: «После того, как раскулачили, оленей отобрали, стало очень тяжело. Не осталось ни грузовых нартов, ни ездовых оленей. Старички, старухи одни остались. Шкуры, какие в юртах были, стали на еду использовать. Постепенно шерсть со шкур счищали, кожу варили и кушали. Все шкуры, что были внутри юрты, съели. А юрта ведь покрывается дымлениной. И вот, чтобы не погибнуть, начали снимать покрывки с юрты. Шерсть счищали и кожу варили. Тогда ведь совсем ничего не было, ни капканов, ни проволоки, чтобы поймать зайца или куропатку, ни муки, ни сахара – ничего не было. Приходилось кушать кожу. Буквально за два года от голода умерло много стариков» (ПМА, Тынетэгин-1). Оказавшись перед фактом тотального разорения оленеводческих хозяйств, партия была вынуждена признать, что «коллективизация осуществлялась непомерно быстрыми темпами» [Гурвич, Кузаков, 1960, с. 130].

В восприятии наших рассказчиков события коллективизации не ушли в небытие, напротив, последствия этих событий ощущаются ими и сейчас. Свой рассказ о раскулачивании коряков А. А. Кергильхот завершает итоговым сожалением о сегодняшнем дне: *Эчги мыткунтыунэв' эмтэг'и фоякв'э. То актыка, мыев' ымыу нэкэкминнуынэв'.* «Сейчас мы имеем мало оленей. И невозможно [больше], потому что всех забрали» (ПМА, Кергильхот). Повествуя о трагических событиях 1930-х гг., современные чавчужены выходят за рамки повседневности и приближаются к осмыслению исторической судьбы своей этнической группы. В корякских преданиях о раскулачивании оленеводов отчетливо выражено признание бессилия пред исторической реальностью.

Представители старшего поколения чавчуженов, родившиеся в СССР, тем не менее ощущают себя преемниками культуры оленных коряков досоветского периода. Опыт мастеров-олeneводо-в, владение

огромными табунами, а затем тотальное обобществление частных оленей ощущаются нашими рассказчиками как опыт своей семьи и отчасти как свой личный, хотя и не пережитый непосредственно, опыт. Поколение очевидцев коллективизации уже ушло из жизни, но сейчас живо поколение их детей. Воскрешение в преданиях исторически значимых событий прошлого позволяет им ощутить внутреннюю сопричастность предшествующим поколениям. Размышляя о неувимой специфике духовной жизни «местного населения», историк С. А. Гомаюнов пишет о глубинной сущности самого феномена сопричастности отдельной личности событиям локальной истории, стремлении найти ответ на вопрос: “откуда мы и зачем?”» [1996, с. 161].

По мере того как очевидцы уходят из жизни, второе поколение становится посредником в передаче этнически ориентированной информации. Чувство сопричастности ключевым событиям истории этноса ставит перед носителями исчезающей культуры задачу сохранить память о ней для потомков. Не случайно Н. И. Тынэтгин, начиная свой рассказ, поясняет: «Я рассказываю для будущих людей». Роль хранителя истории родного этноса наделяет жизнь обычного человека особым, сакрализованным смыслом. Трепетное и чуткое отношение к памяти побуждает его рассказывать и записывать рассказы старших родственников, а также свои воспоминания. Передаваемая из поколения в поколение народная история берет свое начало в прошлом, но обращена к настоящему и будущему.

Список информантов

Кузнецова-Кергуйе Надежда Семеновна (в девичестве Нутэнэут, корякское имя *Нутэуэв'ыт*), 1949 г. р., родилась на реке *Тыг'айв'аям* (по паспорту – в с. Верхние Пахачи) Олюторского р-на Корякского автономного округа (КАО). В настоящее время проживает в пос. Энергетик Елизовского р-на Камчатского края.

Симонова Александра Алексеевна (в девичестве Кергильхот, корякские имена *Ётты*, *Мамак*), 1951–2016, родилась на реке *В'ытг'ыв'аям* (по паспорту – в с. Ветвей) Олюторского р-на КАО.

Тынанто Нина Макаровна (в девичестве Юлтын, корякское имя *Юлтыу*), 1942 г. р., родилась в с. Слаутное Пенжинского р-на КАО. В настоящее время проживает в с. Слаутное Пенжинского р-на Камчатского края.

Тынетэгин Николай Иванович (корякское имя *Тыуэтэгин*), 1937 г. р., родился в с. Таловка Пенжинского района КАО. В настоящее время проживает в с. Таловка Пенжинского района Камчатского края.

Список литературы

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Беретти Н. Н. На крайнем Северо-Востоке // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2014. Вып. 8. С. 240–318.

Билибин Н. Обмен у коряков. Л.: Изд-во ИНС ЦИК СССР, 1934. 40 с.

Бубнис Г. К., Нефедова С. П. Социалистические преобразования в Корякском автономном округе. М.: Наука, 1981. 137 с.

Гарусов И. С. О социальной принадлежности крупного оленевода северо-востока накануне коллективизации // Записки чукотского краеведческого музея. Историко-этнографический сборник памяти В. Г. Тан-Богораза. Магадан: Кн. изд-во, 1967. Вып. 4. С. 52–57.

Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.): Дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2010. 332 с.

Гомаюнов С. А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 158–163.

Гурвич И. С., Кузаков К. Г. Корякский национальный округ: Очерки географии, истории, этнографии, экономики). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 303 с.

Канторович В. По советской Камчатке: книга путевых очерков. М.: Молодая гвардия, 1931. 160 с.

Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 1991. 46 с.

Крылов В. В Пенжинском районе: Коллективизация кочевых хозяйств и перевыборы советов в 1934 г. // Советский Север. 1935. № 1. С. 93–95.

Михалев А. Успехи и тормозы колхозного строительства: Письмо из Пенжинского района, Камчатского округа // Советский Север. 1931. № 3–4. С. 168–170.

- Молл Т. А. *Корякско-русский словарь* / Сост. Т. А. Молл; Под ред. И. С. Вдовина, 1960. 238 с.
- Молл Т. А., Инэнликэй П. И. *Чукотско-русский словарь* / Сост. Т. А. Молл, П. И. Инэнликэй; Под ред. П. Я. Скорика. Л.: Учпедгиз, 1957. 197 с.
- Постановление* Пенжинского С'езда Советов // Советский Север. 1932. № 3. С. 124–125.
- Сергеев М. А. *Советская Камчатка*. М.; Л.: Соцэргиз, 1932. 263 с.
- Сергеев М. А. *Народное хозяйство Камчатского края*. М.; Л.: Изд-во СССР АН, 1936. 819 с.
- Соколова В. К. *Русские исторические предания*. М.: Наука, 1970. 288 с.
- Тынетэгин Н. И. *Гиблое дело в оленеводстве* // Абориген Камчатки. 2000. 29 мая. С. 5.
- Qeccaj Kekketyn. *Еwнътоval'an. Panenatvн [Кецай Кеккетын. Эвныто-батрак. Рассказ на корякском языке]* / Ред. С. Н. Стебницкий. Л.: Изд-во ЦК ВЛКСМ, 1936. 78 с. (На коряк. яз.)

Полевые материалы

КФЭ 2004 – Историческое предание о военных столкновениях на Камчатке. Рассказала на русском языке Матрёна Павловна Ивнако (в девичестве Тамлетнава, алыторское имя *Масгавуав'ыт*), 1928 г. р., родилась в с. Анапка Карагинского р-на КАО. Зап. А. Г. Гомбожапов, Г. Е. Солдатова в Комплексной фольклорной экспедиции ИФЛ СО РАН в августе 2004 г. в с. Хаилино Олюторского р-на, Камчатского края. Состав экспедиции: Г. Е. Солдатова (руководитель), А. Г. Гомбожапов, А. А. Мальцева, К. А. Сагалаев, Е. Л. Тирон. Архив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН.

ПМА, Кергильхот – Семейное предание о сокрытии частного табуна в годы коллективизации. Рассказала на корякском языке А. А. Кергильхот. Зап. Т. А. Голованева в пос. Нагорный Елизовского р-на Камчатского края в 2015 г. Расшифровка аудио и перевод Е. П. Прониной, Т. А. Голованевой. Личный архив Т. А. Голованевой.

ПМА, Тынанто-1 – Семейное предание о раскулачивании дедушки. Рассказала на корякском языке Н. М. Тынанто. Зап. Т. А. Голованева в г. Петропавловске-Камчатском в июне 2015 г. Расшифровка аудио и перевод Е. П. Прониной, Т. А. Голованевой. Личный архив Т. А. Голованевой.

ПМА, Тынанто-2 – Семейное предание о раскулачивании дедушки. Рассказала на русском языке Н. М. Тынанто. Зап. Т. А. Голованева в г. Петропавловске-Камчатском в июне 2015 г. Личный архив Т. А. Голованевой.

ПМА, Тынетэгин-1 – Историческое предание о раскулачивании коряков. Рассказал на корякском языке Н. И. Тынетэгин. Зап. Т. А. Голованева в г. Петропавловске-Камчатском в августе 2017 г. Расшифровка аудио и перевод Е. П. Прониной, Т. А. Голованевой. Личный архив Т. А. Голованевой.

ПМА, Тынетэгин-2 – Историческое предание о раскулачивании коряков. Рассказал на русском языке Н. И. Тынетэгин. Зап. Т. А. Голованева в г. Петропавловске-Камчатском в августе 2017 г. Расшифровка аудио и перевод Е. П. Прониной, Т. А. Голованевой. Личный архив Т. А. Голованевой.

ПМА, Тынетэгин-3 – Историческое предание о мастерах-олeneводах. Рассказал на русском языке Н. И. Тынетэгин. Зап. Т. А. Голованева в г. Петропавловске-Камчатском в августе 2017 г. Личный архив Т. А. Голованевой.

ПМА, Кергувье – Историческое предание о раскулачивании коряков. Рассказала на русском языке Н. С. Кергувье. Зап. Т. А. Голованева в г. Петропавловске-Камчатском в августе 2017 г. Личный архив Т. А. Голованевой.

T. A. Golovaneva

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
gta-77@mail.ru*

Koryak historical narratives about reindeer-breeder' collectivization

In the paper some features of the collectivization among the koryak reindeer-breeders of Kamchatka (chauchuvens) are shown through historical and family narratives. From governmental point of view narratives containing the description of collectivization were interpreted as antisoviet agitation, and, therefore, such stories weren't written or published. An interview (2015–2018) with old chauchuvens had shown that memories of those tragic events are still live in Koryak folk history. In nowadays records containing the descriptions of collectivization time before Soviet power is shown as a time of deer prosperity in families. The idealization of the image of rich reindeer-breeders is also found. In popular and official versions, the polarity of the image of a reindeer-breeder is obvious: from idealization (in popular) to completely negative (official documents and fiction literature). According to historical narratives reindeer-breeders were trying to hide their herds from bolshevists. Unfortunately the hiding of herds was usually followed by arrest of the reindeer-

breeders. Attempts of hiding the family herds from the Soviet power are interpreted by narrators as a saving of herds. The Soviet power itself is considered as a destroying power. In narratives reindeer-breeders the opposition is very distinct: local vs foreign. In this type of narratives negative attitude to foreign Russian who destroyed local balance is very strong. The generation who witnessed the collectivization has already gone but their children who listened to the stories about the collectivization and know all those tragic events are still alive. The dying-out of deers and great hunger started after collectivization.

Key words: history of Kamchatka, koryaks, chauchuvens, Koryak folklore, historical narratives, family narratives, dispossession (collectivization).

References

Assmann Jan. *Kul'turnaya pamyat': Pismo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Translated from German and published by M. M. Sokol'skaya. Moscow, Languages of Slavic culture, 2004, 368 p. (In Russ.)

Beretti N. N. Na krajnem Severo-Vostoke [In the Far North-East]. *Voprosy istorii Kamchatki* [Items of Kamchatka history]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, Novaya kniga Publ. House, 2014, vol. 8, pp. 240–318. (In Russ.)

Bilibin N. *Obmen u koryakov* [The Koryak exchange]. Leningrad, Izdatel'stvo Instituta narodov Severa, 1934, 40 p. (In Russ.)

Bubnis G. K., Nef'odova S. P. *Socialisticheskie preobrazovaniya v Koryakskom avtonomnom okruge* [Social changes in Koryak autonomous region]. Moscow, Nauka Publ. House, 1981, 137 p. (In Russ.)

Garusov I. S. O social'noj prinadlezhnosti krupnogo olenevoda severo-vostoka nakanune kollektivizatsii [On social identity of rich reindeer-breeders on the North-East before collectivization]. *Zapiski chukotskogo kraevedcheskogo muzeya. Istoriko-etnograficheskij sbornik pamyati V. G. Tan-Bogoraza* [Notes of Chukotka regional museum. Historic and ethnographic collection of works in honor of V. G. Tan-Bagaraz]. Magadan, Magadanskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1967, vol. IV, pp. 52–57. (In Russ.)

Golovanov I. A. *Konstanty fol'klornogo soznaniya v ustnoj narodnoj proze Urala (XX–XXI vv.)* [Folklore constants in folk oral narratives of Ural region (XX–XXI centuries)]. Dis. ... dr. of philology. Chelyabinsk, 2010, 332 p. (In Russ.)

Gomayunov S. A. Mestnaya istoriya: problemy metodologii [Local history: problems of methods]. *Voprosy istorii* [History questions]. 1996, no. 9, pp. 158–163. (In Russ.)

Gurvich I. S., Kuzakov K. G. *Koryakskij nacional'nyj okrug: Oчерki geografii, istorii, etnografii, ekonomiki* [Koryak national region: Geography, history, ethnography, economy notes]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk USSR, 1960, 330 p. (In Russ.)

Kantorovich V. *Po sovetskoj Kamchatke: Kniga putevyh oчерkov* [At the Soviet Kamchatka: The book of traveler's essays]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. House, 1931, 160 p. (In Russ.)

Krinichnaya N. A. *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza: Voprosy genezisa i struktury* [Russian folk historical prose: Items of genesis and structure]. Dis. ... dr. of philology. Petrozavodsk, 1991, 46 p. (In Russ.)

Krylov V. V Penzhinskom rajone: Kollektivizatsiya kochevyh hozyajstv i perevybory sovetov v 1934 [In Penzhinsky region: Collectivization of nomad farms and reelections of Soviets in 1934]. *Sovetskij Sever* [Soviet North]. 1935, no. 1, pp. 93–95. (In Russ.)

Mihal'ov A. Uspekhi i tormozy kolhoznogo stroitel'stva: Pis'mo iz Penzhinskogo rajona, Kamchatskogo okruga [Success and failures in organization of collective farms: A letter from Penzhinsky region, Kamchatka]. *Sovetskij Sever* [Soviet North]. 1931, no. 3–4, pp. 168–170. (In Russ.)

Moll T. A., Inenlikey P. I. *Chukotsko-russkij slovar'* [Chukchi-Russian Dictionary]. Comp. T. A. Moll, P. I. Inenlikey, ed. P. Y. Skorick. Leningrad, Uchpedgiz Publ. House, 1957, 197 p. (In Russ.)

Moll T. A. *Kor'aksko-russkij slovar'* [Koryak-Russian Dictionary]. Comp. T. A. Moll, ed. I. S. Vdovin. Leningrad, Uchpedgiz Publ. House, 1957, 197 p. (In Russ.)

Postanovlenie Penzhinskogo S'ezda Sovetov [The Proposition of the Penzhinsky congress of Soviets]. *Sovetskij Sever* [Soviet North]. 1932, no. 3, pp. 124–125. (In Russ.)

Sergeev M. A. *Sovetskaya Kamchatka* [The Soviet Kamchatka]. Moscow, Leningrad, Socekiz Publ. House, 1932, 263 p. (In Russ.)

Sergeev M. A. *Narodnoe hozyajstvo Kamchatskogo kraja* [The national economy of the Kamchatka region]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk USSR, 1936, 819 p. (In Russ.)

Sokolova V. K. *Russkie istoricheskie predaniya* [Russian historical legends]. Moscow, Nauka Publ. House, 1970, 288 p. (In Russ.)

Tenetegin N. I. Gibloe delo v olenevodstve [Lost cause in reindeer-breeding]. *Aborigen Kamchatki* [Aborigine of Kamchatka]. 2000, 29th of May, p. 5. (In Russ.)

Qeccaj Kekketyn. Ewnytoval'an. Ranenatyn [Qeccaj Kekketyn. Eunyto-farmhand. Story on Koryak language]. Ed. S. N. Stebnitsky. Leningrad, Central'nyj ispolnitel'nyj komitet VLKSM, 1936, 78 p. (In Koryak)